

— 1 —

ВЕСТНИК БОГОВ

МИФОЛОГИИ ДРЕВНОСТИ

Ворон почитался во многих обществах древней Европы. Он был преимущественно солярной птицей, создателем мира, вестником богов, проводником душ во мраке, тем, кто видел все, слышал все и знал все грядущее. Вдобавок некоторые народы считали его своим прародителем, и в таком качестве он становился объектом различных культов, ритуалов, табу и фетишизации. Этот первобытный статус ворона прослеживается в европейских мифологиях: у кельтов, славян и германцев.

В греческой же мифологии образ этой птицы имеет больше оттенков. Да, ворон является атрибутом многих богов, но его натура двойственна, может быть даже неоднозначна: он и умен, и тщеславен; и проницателен, и сварлив; всезнающ, но чересчур болтлив. Эту шаткость демонстрирует его изменившееся оперение: когда-то ворон был белым, но почернел из-за своего излишнего высокомерия или дерзости. Своими насмешками он рассердил богов и в наказание утратил свой изначальный цвет. Повсюду, в том числе и на других континентах, в Сибири и на севере Канады, существуют мифы, в которых ворон играет роль посредника между миром живых и миром

Атрибуты Аполлона

В греческом искусстве Аполлон изображается чаще других богов и имеет больше всего атрибутов. Основные из них: лук, лира, флейта, лавровый венок, а среди животных — волк и вороны. Ворон, который изображен на этой чаше для возлияний, обнаруженной в гробнице в Дельфах, уже утратил свое белое оперение и предстает как черная птица, проклятая богом.

Аттический килик с белым фоном, ок. 480–470 гг. до н. э., Дельфы, Археологический музей

мертвых. Схожим образом в некоторых мифах рассказывается, как изначально белая птица становится черной, и даже чернее черного, в результате того, что не передает нужное послание или нарушает табу, либо же на нее накладывают необратимые злые чары или проклятие.

Ворон Аполлона, ворона Афины

Остановимся на греческой мифологии. В ней фигурирует множество птиц, в том числе и вороны: он является атрибутом ряда богов, в первую очередь — Аполлона, бога солнца и света, музыки и искусств, сложного и многогранного персонажа, который занимает особое положение на Олимпе. О его похождениях и подвигах, деяниях любви и гнева мы узнаем из многочисленных описаний, а в иконографии он обычно выглядит как юноша ослепительной красоты, идеально сложенный, со светлыми вьющимися волосами. Из греческих богов Аполлон изображается чаще всех — блистательный и светлый бог, одновременно

Смерть Кориониды

Корионида, имя которой схоже со словом «ворона», была смертной возлюбленной Аполлона. Обуреваемый ревностью, бог наказал белому ворону следить за ней, однако птица потеряла бдительность, и прекрасная Корионида смогла встретиться с любимым ей Исхием. Узнав об измене, Аполлон убил Кориониду выстрелом из лука, забрал себе ребенка, которого она носила от него (Асклепия, бога врачевания), и наказал ворона, превратив его белое оперение в черное.

Кристина де Пизан,
«Послание Офеи Гектору», ок. 1460 г., Колоньи (Швейцария), Фонд Мартина Бодмера, ms 49, fol. 74

поэт и музыкант, целитель и благодетель, несущий смертным свет, гармонию и мир.

Аполлон обладает множеством атрибутов: луком, лирой, флейтой, треножником, лавровым венком, бычьими рогами, но, помимо всего прочего, он окружен и самыми разными животными, такими как волк, ворон, дельфин, лебедь, петух и змей. В письменных и иконографических источниках Аполлона чаще всего сопровождает волк, но и ворон встречается почти так же регулярно⁷. Разные мифы гласят, что бог солнечного света, проникнувшись к ворону симпатией и оценив его память и прозорливость, сделал его своей любимой птицей в стране гипербореев, что на Крайнем Севере, в которую он удалялся каждый год.

Самая известная история, связывающая Аполлона с интересующей нас птицей, посвящена несчастной Кориониде. Она встречается у большинства античных мифографов, а затем ее включил в свои «Метаморфозы», сохранив для будущих поколений, Овидий⁸. С кратким содержанием его версии мы сейчас и ознакомимся. Ко-

Гермы

В Древней Греции Гермес, помимо всего прочего, был богом перекрестков. Изображения его головы устанавливались на колоннах, которые служили одновременно ориентирами, памятными знаками и дистанционными столбами. На них также наносились надписи: мемориальные, морализирующие, дидактические или несущие иной культурный смысл. Иногда на гермы садились и птицы: на этом сосуде запечатлен сидящий на ней ворон.

Краснофигурная пелика. Афины, ок. 460 г. до н. э., Берлин, Античное собрание

ронида (чьё имя родственно обозначению вороны — *koroné*) была дочерью фессалийского царя; она отличалась красотой, стала возлюбленной Аполлона и забеременела от него. Ревнивый бог поставил наблюдать за ней белого ворона, которому он полностью доверял, однако, стоило птице ослабить бдительность, Коронида, не питавшая иллюзий по поводу верности божества, решила сойтись со смертным — обольстительным Исхием. В конце концов ворон узнал об этом и сообщил Аполлону, но сам за это же и заплатился: бог разгневался и наказал разоблачителя, превратив его оперение в черное. Возможно, ворону стоило промолчать, потому что из-за него все остальные вороны божественным повелением превратились из белых в черных. Что же до Корониды с Исхием, то по приказу Аполлона (или лично им) они были убиты, но прежде из чрева девушки Аполлон извлек своего ребенка, Асклепия, который впоследствии стал его любимым сыном⁹. Будучи совсем юным, Асклепий (Эскулап у римлян) обнаружил способности врача и позже стал богом медицины.

Существует другая версия, объясняющая, почему Аполлон разгневался на ворона. Бог послал его принести воды из священного источника, но птица задержалась, чтобы подождать, пока созреет инжир, который она заметила по дороге. Ждать пришлось долго, очень долго, но все же ворон дождался и смог наесться всласть. К этому моменту, однако, он уже забыл, за чем его послали. По возвращении, чтобы объяснить, почему он вернулся спустя такое долгое время и без воды, он сказал, что возле источника на него напала змея. Аполлон понял, что ворон обманывает его, и в наказание тот потерял белый окрас и стал черным — чернее спелого инжира¹⁰.

В похожем и почти таком же известном мифе фигурирует богиня Афина и болтливая ворона. Злейший враг Афины, бог морей и океанов Посейдон, добивался одной девушки — взволнованная ее судьбой Афина решила защитить ее, превратив в белую ворону и держа при себе. Но быстро выяснилось, что птица была поистине несносной: она болтала что попало, высмеивая приближенных Афины и оскорбляя всех вокруг. Богиня поступила с ней так же, как Аполлон с вороном: изменила цвет ее оперения с белого на черный. После ворона была изгнана, а ее место подле Афины заняла сова — птица более сдержанная и менее говорливая. Подобно ворону, ворону — красоте и сообразительности которой греки отдавали должное — довели до беды болтливость и злословие¹¹. Какое-то время ей благоволила Гера, супруга Зевса и покровительница брака¹², но и здесь ворона оказалась слишком болтливой и несдержанной, так что в конце концов богиня заменила ее на павлина.

Городские легенды и кельтская мифология

Ничего подобного не найти у кельтов, неизменно почитавших ворона и ворону и отводивших им первые роли во многих мифах. Ворон, в гэльском и валлийском языках часто называемый *bran* (что может служить и названием вороны), — постоянный атрибут и советник Луга (*Lugos* в Галлии, *Lugh* в Ирландии), главы кельтского пантеона, божества света и медицины, чародея, ремесленника, воина, покровителя искусств, торговли и знаний. Луг прислушивается ко всему, что эта наблюдательная птица ему сообщает. Многочисленные мифы

воспевают ночь, одновременно желанную и пугающую, служащую и укрытием, и обиталищем кошмаров, обманчивых грез и смерти. Разумеется, ворон тоже должен был там присутствовать.

Действительно, вскоре он появляется на эстампах, к примеру у Франсиско Гойи (1746–1828) или Уильяма Блейка (1757–1827), исследующих загадочность ночи и предчувствие смерти. В сущности, на протяжении всего XIX века ворон останется угрожающим и тревожащим персонажем гравюр. Что касается живописи, то художники обычно изображали ворона не в ночи, а в пустынных, заброшенных местах; черная птица служила символом страха, опустошения, витающей в воздухе смерти. Замечательным примером такого пейзажа может послужить картина Каспара Давида Фридриха «Дерево с воронами» (1822). Поздняя осень, мы видим, как заходит солнце: одновременно к концу подходит и день, и год, и, быть может, вся жизнь. Единственный наблюдатель — мы сами, в пространстве самой картины человеческих фигур нет. На переднем плане в контровом свете — курган (захоронение древнего гуннского воина, как уточняет записка на оборотной стороне картины), из которого вырастает дерево с искривленными голыми ветвями. Вокруг него кружат вороны, то садясь среди ветвей, то взлетая в затянутое облаками небо. На заднем плане виднеется Балтийское море, купающееся в мягком свете: возможно, это символ надежды, освобождения или возрождения¹⁴³.

Мрачный ворон воспоминаний и грез

От картины Каспара Давида Фридриха больше веет даже не смертью, а меланхолией. В Средние века меланхолия считалась серьезной болезнью — этимологически это слово означает «избыток черной желчи», — однако у художников и поэтов начала XIX века она стала почти добродетелью. Всякий поэт первой половины столетия

Вестник смерти

Стихотворение Эдгара По «Ворон» (1845) было крайне популярно в течение всего XIX в. Многие художники, как знаменитые, так и не очень, делали к нему иллюстрации. Так, перевод Стефана Малаарме сопровождали литографии Эдуарда Мане. Перевод Шарля Бодлера привлекал многих иллюстраторов, в том числе Гюстава Доре, посвятившего ему серию романтически-мрачных гравюр, точно передающих дух стихотворения.

*Гюстав Доре, «Ворон»,
1883 г.*

обязан был находиться в этом состоянии и либо умереть молодым, либо затвориться в глубоком трауре. В первой строфе своего сонета *El desdichado* (исп. «Несчастный») Жерар де Нерваль воспевает черное солнце:

Принц Аквитании, вдовец звезды моей,
У башни рухнувшей скорблю я бессловесно,
И солнце черное восходит в апогей,
Свет меланхолии струя из лютни звездной¹⁴⁴.

Второе поколение романтиков возьмет его себе на герб, но на его месте с равным успехом могла бы оказаться мрачная птица из знаменитого стихотворения Эдгара По (1809–1849) «Ворон», вышедшего несколькими годами ранее.

«Ворон» был опубликован в конце января 1845 года в *New York Evening Mirror* и моментально снискал колоссальный успех как в США, так и в Англии. Он многократно перепечатывался, ему подражали, его пародировали и комментировали, перекладывали на музыку и иллюстрировали. «Ворон» сделал По знаменитым, но не сделал богатым: четыре года спустя он, вдовец, умер в бедности, пьянстве и отчаянии. Первый перевод стихотворения на французский появился в январе 1853 года в *Journal d'Alençon*: он был анонимным и не лучшего качества. Свой, гораздо более удачный перевод спустя два месяца предложил Шарль Бодлер, который в то время активно переводил По. Версия Бодлера вышла в еженедельнике *L'Artiste*, для которого он регулярно писал. На сегодняшний день именно она остается самой популярной, хотя вышедший в 1875 году перевод Стефана Малларме¹⁴⁵ ни в чем ей не уступает*.

Пересказать стихотворение Эдгара По не так-то просто — и не потому, что оно особенно туманно и непонятно, а потому, что это текст невероятно музыкальный, насыщенный игрой рифм и созвучий, и любой пересказ неизбежно будет поверхностным и неточным. Так или иначе, в нем рассказывается необыкновенная история некоего мужчины: однажды ночью, холодной и тревожной, он, сидя у себя в комнате, читает старинную книгу — таким образом он пытается отвлечь себя от мыслей об утрате возлюбленной, Леноры. Он уже в полусне, но тут слышит шум. Мужчина поднимается и от-

* На русском языке «Ворон» впервые был опубликован в ежемесячнике «Вестник Европы» в 1878 году. Перевод выполнил С. А. Андреевский, однако он не передал ни один из ключевых моментов стихотворения. Известно около 20 версий «Ворона» на русском языке, классическим считается перевод К. Д. Бальмонта (1894). — *Прим. ред.*

Тревожащая птица

Ворон в стихотворении Эдгара По неразговорчив: он произносит лишь одно слово *Nevermore*, но делает это с таким пугающим упорством, что становится не по себе.

Одилон Редон,
«Ворон» (уголь,
бумага), 1882 г.,
Оттава, Канадский музей изящных искусств

крывает дверь, но не видит и не слышит ничего, кроме слова «Ленора». Он собирается снова сесть, но в этот момент шум повторяется: в этот раз он доносится из окна. Открыв окно, он видит ворона: тот входит в комнату и взлетает на бюст Паллады. Мужчина спрашивает ворона, как его зовут, откуда он и кто он, но на все вопросы птица отвечает одинаково: *Nevermore* (англ. «никогда»). Растерянность и тревога овладевают мужчиной, он пытается убедить себя, что ворон просто выучил это слово и не знает других. Вновь он погружается в полусон, и снова его преследуют видения Леноры; он разговаривает сам с собой, но время от времени птица очень удачно вставляет: «Никогда». Атмосфера становится все более гнетущей, мужчина злится и кричит ворону, что тот демон, зловещий пророк. Наконец

он спрашивает ворона, увидит ли он когда-нибудь еще, пусть в загробной жизни, свою Ленору, и, получив жестокий ответ «никогда», оседает на пол под взглядом птицы, навсегда завладевшей его душой.

Перевод Шарля Бодлера в ритмической прозе, которой он с таким мастерством владел, разумеется, куда более впечатляющ, чем этот сжатый пересказ, хотя его иногда и критикуют за тяжеловесность и неоднородность. Пытаясь передать на французском сложный ритм стиха, его бессчетные созвучия и повторы, Бодлер создал текст более темный, чем оригинал, неровный и изрезанный на куски знаками препинания. Но могло ли быть иначе? С теми же трудностями столкнулся и Малларме в своем переводе. Тем не менее у обоих получилось передать мрачную и гнетущую атмосферу комнаты, жестокость слов ворона и, главное, тоску, а потом отчаяние главного героя.

Вот, к примеру, две первые и две последние строфы стихотворения (по шесть строк каждая)*:

Как-то в полночь, в час угрюмый, полный тягостною думой,
Над старинными томами я склонялся в полусне,
Грезам странным отдавался, — вдруг неясный звук раздался,
Будто кто-то постучался — постучался в дверь к мне.
«Это, верно, — прошептал я, — гость в полночной тишине,
Гость стучится в дверь к мне».

Ясно помню... Ожиданье... Поздней осени рыданья...
И в камине очертанья тускло тлеющих углей...
О, как жаждал я рассвета, как я тщетно ждал ответа
На страданье без привета, на вопрос о ней, о ней —
О Леноре, что блистала ярче всех земных огней, —
О светилах прежних дней.

[...]

И воскликнул я, вставая: «Прочь отсюда, птица злая!
Ты из царства тьмы и бури, — уходи опять туда,
Не хочу я лжи позорной, лжи, как эти перья, черной,
Удались же, дух упорный! Быть хочу — один всегда!
Вьнь свой жесткий клюв из сердца моего, где скорбь — всегда!»
Каркнул Ворон: «Никогда».

* Автор приводит перевод Ш. Бодлера, здесь представлена версия К. Д. Бальмонта (1894). — *Прим. ред.*